

МАРИ СКАЙ

Горничная

ПЛАТА ЗА ОШИБКУ

Мари Скай

Горничная. Плата за ошибку

<https://litres.ru/74546292>

Аннотация

— Вы испортили всё, — голос Вольфа резал тишину. — И теперь будете это исправлять. — Я готова на всё! — выпалила я, дрожа. Дэмиен лениво поднял бокал, его взгляд скользнул по мне, заставляя кожу гореть. — Всё, мисс? — его губы тронула улыбка. — Надеемся, вы понимаете... что извиняться придётся совсем иначе.

Мой промах стал началом опасной игры, где ставка — не только карьера, но и я сама. Смогу ли я расплатиться по их счёту... и выжить, когда желание граничит с унижением, а поцелуй пахнет угрозой?

Поддержите книгу лайками и комментариями! Добавьте её в свою библиотеку. Подписывайтесь на автора! МАРИ СКАЙ

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Глава 1

Шлейф дорогого парфюма в служебном лифте «Эдема» смешивался с запахом хлорки и моего собственного, дешевого, стыдливо купленного в магазине у метро дезодоранта. Этот контраст резал ноздри, как обещание: ты здесь чужая. Перчатки, грубые и чуть великоватые, неприятно поскрипывали на моих ладонях. Тележка с белоснежными полотенцами и блестящими флаконами казалась мне баррикадой, за которой я пыталась спрятаться.

Мисс Ирина, начальница службы этажа, женщина с лицом, высеченным из мрамора презрения, сунула мне ключ-карту, даже не взглянув в глаза.

— «Небесные апартаменты», пентхаус. Срочно. После важной деловой встречи.

Фраза «деловая встреча» прозвучала с такой ледяной, натянутой нейтральностью, что по моей спине пробежал холодок. Горничные у стойки, перешептывающиеся на каком-то своем, полном интриг языке, перестали болтать, когда я проходила. Их глаза — быстрые, оценивающие — обожгли меня. Они знали. Они точно знали, на что меня посылают. И в их молчаливом, единодушном осуждении была жестокая радость. Меня не просто не приняли — меня решили сломать в первый же день.

Я внушила себе: тишина, скорость, невидимость. Ника-

ких ошибок. Дверь в пентхаус, двойная, обитая темной кожей, была без таблички, без индикатора «не беспокоить». Последняя ловушка. Карта щелкнула, замок сдался с глухим стуком, который отозвался у меня в висках.

Я втокнула тележку в полумрак и застыла, будто наткнувшись на невидимую стену.

Воздух в гостиной был густым, пропитанным дорогим табаком, кожей и чем-то другим... мускусным, чисто мужским. И не одним.

Они были не у окна.

Один — высокий, с властной осанкой, в белоснежной рубашке с расстегнутым на два верхних пуговицы воротником и закатанными до локтей рукавами — стоял спиной к камину, где тлели искусственные, но идеальные угли. Свет играл на четком контуре его челюсти, на серебряных нитях в темных волосах. Артур Вольф. Его фотографии не передавали главного — излучаемой им абсолютной, неоспоримой власти. Он не смотрел на меня. Он изучал ситуацию, в которую я ворвалась, как полководец изучает карту неожиданного прорыва противника.

Второй мужчина был ближе. Он сидел на широком подлокотнике дивана, облокотившись на спинку. Его костюмный пиджак был брошен рядом, галстук ослаблен. В его длинных, удивительно изящных пальцах вращался бокал с темным, почти черным вином. Дэмиен Крюгер. И если Вольф был ледяной глыбой, то этот... этот был пламенем. Его взгляд —

медленный, томный, невероятно осознанный — начал свой путь с моих дешевых плоских туфель, пополз вверх по слишком широким чулкам, задержался на трепещущей складке моей униформы на животе, обжег внезапной тяжестью в области груди и, наконец, встретился с моими глазами. В этом взгляде не было ни гнева, ни удивления. Была... разжигаемая интересом плотоядная неспешность. Как будто он только что обнаружил на своем столе новое, незнакомое блюдо и раздумывал, с чего начать.

Я не могла пошевелиться. Не могла дышать. В голове гудело от ужаса и чего-то еще... какого-то первобытного, животного понимания опасности, которая пахла не угрозой, а чем-то запретно-сладким.

Мой взгляд, против моей воли, скользнул по расстегнутому воротнику Вольфа, по открытому сильному запястью, по расслабленной, но мощной позе Крюгера. Между ними в воздухе висело нечто осязаемое — оборванный разговор, напряженная тишина, заряженная чем-то большим, чем просто бизнес.

Крюгер первым нарушил тишину. Он сделал небольшой глоток, не отрывая от меня глаз, и его губы — соблазнительно четкие — тронула едва уловимая улыбка.

— Артур, — его голос был низким, чуть хрипловатым от хорошего вина, и он резал тишину, как горячий нож масло. — Кажется, твоя служба безопасности дала сбой. Или это новый... сервис?

Вольф медленно повернул голову. Его глаза, цвета грозового неба, наконец упали на меня. Холод в них был абсолютным. Но в глубине, в самом их центре, вспыхнула крошечная, опасная искра. Не просто гнев. Интерес. Интерес хищника, которого потревожили, но который уже оценил потенциальную... компенсацию.

Он не сказал ни слова. Он просто смотрел. И этого было достаточно, чтобы я поняла всю глубину своей ошибки.

Меня не просто подставили. Меня бросили в клетку к двум львам, которых отвлекли во время трапезы. И теперь они оба, каждый по-своему, смотрели на меня. Не как на служащую. Не как на человека. А как на нарушительницу границ, которая должна будет заплатить. И способ оплаты, читавшийся в их синхронных взглядах, не имел ничего общего с выговором или увольнением.

Он будет гораздо более... личным.

Глава 2

Воздух в пентхаусе «Гранд-Этуаль» перестал быть просто воздухом. Он сгустился, стал вязкой, обволакивающей субстанцией, пропитанной дорогим табаком, кожей кресел, тонкими нотами выдержанного виски и чем-то невыразимо более острым — чистым, концентрированным мужским присутствием. Оно давило на виски, наполняло легкие с каждым коротким, прерывистым вздохом, заставляя кровь бежать по венам не от страха, а от какого-то первобытного, животного понимания ситуации. Я стояла, вмурованная в шелковистый ворс персидского ковра, и ощущала, как каждая клетка моего тела трепещет под прицелом двух пар глаз.

— Простите...

Мой голос не был голосом. Это был сдавленный шепот, сорвавшийся с губ, которые вдруг стали чудовищно сухими. Я попыталась сглотнуть, но комок в горле лишь болезненно сдвинулся.

— Мне... сказали, что здесь никого нет. Что номер свободен и требует срочной уборки. — Слова вылетали рвано, путались. Я чувствовала, как на спине, под грубой тканью униформы, растекается предательская полоса пота. — Меня не предупредили. Я... это мой первый день.

Фраза «первый день» прозвучала невероятно жалко и глупо, как детское оправдание перед лицом взрослого, осознан-

ного греха. И я сама это поняла. От осознания по щекам разлился жаркий, унижительный румянец. Он пылал, начиная от декольте, скрытого под белым хлопком, и поднимался выше, к вискам, заливая все лицо. Я чувствовала этот жар, как физическое наказание.

Дэмиен Крюгер, тот, что полулежал в кресле, издал тихий, растянутый звук, нечто среднее между смешком и одобрительным гулом. Он медленно, с преувеличенной небрежностью, поднял бокал с темно-янтарной жидкостью и сделал небольшой глоток. Его глаза — цвета старого коньяка, с золотистыми искорками — не отрывались от меня. Но это был не просто взгляд. Это была процедура. Он начал ее с моих дешевых лакированных туфель, которые вдруг показались мне уродливо-громоздкими. Его взгляд пополз вверх, медленно, сантиметр за сантиметром, по моим ногам в непрезентабельных телесных колготках, задержался на линии бедер, где ткань юбки неприлично затянулась от моей скованной позы, скользнул по плоскости живота, почувствовал, как под ним дрогнули мышцы, и наконец достиг груди. Он остановился там, где под тремя пуговицами униформы бешено стучало сердце, заставляя тонкую ткань мелко вибрировать. От этого целенаправленного, тяжелого внимания соски загрубели, болезненно и стыдно упершись в бюстгальтер, и я знала, что он это видит, чувствует, как материя выдает мое тело.

— Новенькая, — наконец произнес он. Его голос был низ-

ким, бархатным, с легкой, соблазнительной хрипотцой. Он обвел языком край бокала, и этот простой жест внезапно показался невероятно непристойным. — Первый день. И уже такой... впечатляющий промах. Свеженькая, необученная... Совершенно беспомощная перед лицом последствий.

Пока он говорил, Артур Вольф не издал ни звука. Он был монолитом холодной, расчетливой ярости и... чего-то еще. Чего-то, что было опаснее простого гнева. Он стоял, отклонившись от каминной полки, и его взгляд был подобен хирургическому скальпелю. Он не просто смотрел на меня — он препарировал. Видел не форму горничной, а женщину под ней. Видел испарину на верхней губе, нервный тик в уголке глаза, как руки в перчатках судорожно сжимают и разжимают край тележки. Видел, как мое дыхание сбивается, грудь вздымается слишком часто и слишком глубоко.

И он начал движение. Не резкое. Нет. Это было медленное, неотвратимое приближение тигра. Его туфли, черные, отполированные до зеркального блеска, бесшумно ступали по ковру. Шаг. Еще шаг. Теперь он был так близко, что я почувствовала исходящее от него тепло, смешанное с холодком его фирменного одеколона с нотами бергамота и сандала. Край его брючины почти касался моих туфель. Я инстинктивно отпрянула, но наткнулась на твердый борт тележки. Ловушка захлопнулась.

— «Не предупредили», — повторил он мои слова. Его голос был тихим, ровным, но каждый слог вонзался в сознание,

как заточенный гвоздь. Он медленно поднял руку. Я зажмурилась, ожидая пощечины, грубого толчка. Но прикосновение, когда оно наконец пришло, было шокирующе иным.

Его пальцы, длинные, с безупречно подстриженными ногтями, коснулись моего лица. Сначала просто кончиками, легчайше, как перо, проведя от виска по линии скулы к подбородку. Кожа под его прикосновением вспыхнула, загорелась. Он почувствовал мою дрожь, и в его ледяных, серо-стальных глазах что-то промелькнуло — не удивление, а скорее... удовлетворение открывателя.

— Это не оправдание, — прошептал он, наклоняясь так близко, что его губы оказались в сантиметре от моего уха. Его дыхание, теплое и влажное, обожгло кожу. — Это отягчающее обстоятельство. Ты ворвалась в самое сердце частной территории. Прервала не просто диалог. Ты вторглась в момент... концентрации.

Он говорил не о бизнесе. Его тон, интимный и густой, говорил о другом. Его палец теперь лежал на моей шее, прямо под линией челюсти, ощущая бешеный бег пульса. Большой палец скользнул вниз, к яремной впадине, и слегка надавил. От этого простого, почти медицинского жеста по всему моему телу пробежала волна сладкой, парализующей слабости. Ноги стали ватными.

Именно в этот момент Крюгер сдвинулся с места. Он встал с такой же хищной грацией, отставив бокал. Подошел не спереди, а сбоку, со стороны моей незащищенной спины.

Я не видела его, но чувствовала — всем телом. Ощущала, как его тень накрывает меня, как его тепло сливается с теплом Вольфа, создавая невыносимую, душную ауру. Его рука легла не на меня, а на тележку, рядом с моим бедром. Металл под его ладонью чуть звякнул. Этот звук был звоном кандалов.

— Так что же нам с тобой делать, новенькая? — голос Крюгера прозвучал прямо у моего другого уха. Он был ближе, чем я думала. Его губы почти касались мочки, когда он говорил. От его дыхания, пахнувшего коньяком и мятой, по коже поползли мурашки. — Вызвать ту ледяную суку из администрации? Отдать тебя ей на растерзание? Она сожрет тебя за завтраком, и к обеду твое имя сотрут со всех списков. — Он сделал паузу, давая мне прочувствовать унижительность этого варианта. — Или...

Вольф подхватил, его палец все так же давил на мой пульс, утверждая власть.

— Или ты признаешь, что вина твоя столь глубока, что требует искупления прямо сейчас и здесь. Не на бумаге, а на... коже. — Последнее слово он выдохнул почти беззвучно, но оно прозвучало в тишине комнаты как выстрел.

Он отстранился на сантиметр, чтобы я могла видеть его лицо. И я увидела. Лед в его глазах растаял, уступив место чему-то темному, манящему и пугающе осознанному. Это был взгляд человека, который уже принял решение и теперь лишь ждал формального согласия.

Крюгер выпрямился и мягко, но с непререкаемой силой взял меня за подбородок. Его пальцы были горячими. Он повернул мое лицо к себе, заставив встретить его разгоряченный, золотой взгляд. В нем не было и тени игры. Была только плотоядная, жадная серьезность.

— Так что скажи нам, — его голос опустился до густого, медового шепота. Он проводил большим пальцем по моей нижней губе, заставляя ее дрогнуть. — На что ты готова, чтобы мы забыли о твоём вторжении? До какой черты ты готова опуститься в своём извинении? Готова ли ты на коленях, прижавшись лбом к этому ковру, умолять нас о прощении? Готова ли ты дрожащими, неопытными пальцами растегнуть каждую из этих уродливых пуговиц и позволить нам увидеть, что скрывается под этой тканью? Чтобы мы могли оценить... истинную цену твоих извинений?

Вольф вторил ему, возвращаясь к своему положению у моего уха, его губы теперь касались кожи, когда он говорил:

— Готова ли ты отдать нам контроль? Позволить решать, когда и как ты будешь платить? Каждый твой вздох, каждая сдавленная мольба, каждый произвольный стон... станет монетой в счёт погашения твоего долга.

Он отодвинулся, чтобы я видела их обоих сразу. Две силы. Лед и пламень. Два вида власти, сходящиеся на мне.

— Выбирай, — заключил Вольф, и в его голосе впервые прозвучали отчетливые, темные ноты обещания. — Но выбирай с умом. Потому что твой ответ определит все. Ста-

нешь ли ты просто уволенной неудачницей... или нашей личной, приватной ответственностью. Нашей игрушкой для искупления.

Глава 3

Мой рот открылся, но

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.